

Тайна Флорио. Итальянская народная сказка

Случилась эта история в славном городе Флоренции. В каком же другом городе она могла случиться? Речь ведь пойдет о прекрасных статуях. А ведь как раз Флоренция и прославилась на весь мир великими ваятелями, художниками и зодчими.

Так вот, жил в славном городе Флоренции молодой скульптор Флорио. За статуи, высеченные его резцом из мрамора или отлитые из бронзы, платили огромные деньги. А между тем Флорио оставался жалким бедняком, чуть ли не нищим. Да и имени его почти никто не знал.

Зато не сходило с уст ценителей искусства имя его учителя, мастера Фабиано. Фабиано и впрямь был когда-то хорошим ваятелем и живописцем. Со всех концов Италии к нему приезжали молодые художники, чтобы учиться у него мастерству. Но слава вскружила голову Фабиано. Он слишком много думал о блеске своего имени и о богатстве. Дружбу он старался водить только со знатными синьорами и добился знаков внимания даже от самого герцога. Все реже он брался за резец или кисть. В эту пору и поступил к нему в ученики пятнадцатилетний юноша Флорио.

– Скажи, мастер, – спросил он в первый день, – как изваять статую, чтобы она была прекрасной?

– Очень просто! – засмеялся Фабиано. – И очень трудно. Я отвечу тебе словами величайшего из мастеров – словами самого Микеланджело. Возьми глыбу мрамора и отсеки от нее все ненужное.

Флорио много думал над этим советом, а еще больше трудился.

Прошел год, второй и третий. Как-то Фабиано, поздно вечером вернувшись с шумного карнавала, заглянул в свою мастерскую. В дальнем углу горела одинокая свеча. При ее свете работал Флорио, Фабиано неслышно подошел сзади и замер, восхищенный – так прекрасно было изваяние, вышедшее из-под резца юноши. Фабиано с горечью подумал, что ученик опередил его.

Восхищение сменилось завистью, потом страхом. Он словно слышал, как повсюду говорят о Флорио, а о нем, Фабиано, молчат. Веселая карнавальная маска выпала у него из рук. Флорио вздрогнул и обернулся. Увидев Фабиано, он поклонился и сказал:

– Взгляните, мастер! Достиг ли я чего-нибудь?

– Что ж, работа неплоха, – ответил небрежно Фабиано. – Ты не напрасно трудился. Но доверься моей опытности. На творения безвестного художника, как бы хороши они ни были, никто и смотреть не захочет. Толпа поклоняется громким именам. Но я помогу тебе. Я согласен вырезать свое имя на пьедестале статуи. Я сделаю больше: я уплачу тебе за нее сто флоринов, хотя никакой прорицатель не скажет, выручу ли я даже десятую часть этого.

– Спасибо, учитель! – воскликнул простодушно Флорио. – Как вы добры ко мне! Лучшая для меня награда, что мою статую увидят люди и, может, она принесет кому-нибудь радость.

– Если ты будешь работать не хуже, я, пожалуй, соглашусь поставить свое имя и на других статуях. И за каждую из них я буду щедро платить тебе по сто флоринов. Но помни, никто не должен знать о нашем договоре.

– Клянусь своим резцом, – ответил юноша, – из моих уст никто об этом не услышит.

Вот почему Флорио оставался нищим и безвестным, а слава Фабиано засняла новым ярким светом.

У Флорио был друг – молодой поэт Симоне. Хотя один работал резцом, а второй сплетал слова в причудливые узоры стихов, мыслями они были близки, как кровные братья. Долгие часы они проводили вместе, гуляя в окрестностях Флоренции. Симоне часто читал свои стихи и стихи иных поэтов, Флорио же всегда говорил о творениях других мастеров и никогда о своих.

И Симоне не раз спрашивал себя, почему Флорио, который, как чуткая струна, отзывается на прекрасное, прозябает в подмастерьях и сам, как видно, ничего не создает. Удивлялся он и другому.

– Во имя Вакха – бога веселья, объясни мне, как этот придворный блюдолиз Фабиано может извлекать из мрамора полные жизни и мысли статуи!

Говорю тебе, Флорио, тут кроется какая-то тайна.

Флорио только грустно улыбался в ответ.

Но однажды случилось так. Флорио условился встретиться с Симоне, но тот не пришел в назначенный час. А Симоне как раз сочинил новый сонет и непременно хотел прочесть его другу. И вот, недолго думая, Симоне отправился в мастерскую Фабиано. Однако двери мастерской были закрыты. Тогда Симоне вспомнил о том, что как будто в доме есть еще и второй ход, для слуг. Он прошел во внутренний дворик с фонтаном, поднялся по узкой лестнице на галерею и через кухню вошел в дом. Навстречу ему не попалось ни одной живой души, да и в мастерской было пусто. И все же Симоне чувствовал, что в доме кто-то есть. Пройдя множество комнат и коридоров, он вошел в пристройку, находившуюся в самом отдаленном углу здания.

Наконец Симоне разгадал тайну Флорио и Фабиано.

Флорио стоял перед статуей. Она, казалось, была уже закончена. Но Флорио снова и снова касался резцом белого камня. И каждый раз Симоне поражался необходимости прочерченной линии. Статуя изображала девушку, почти девочку, смотрящую в зеркало. Ее лицо, руки, плечи – все говорило о том, что она предчувствует счастье, сама еще не зная, каким будет это счастье. Статуя не была похожа ни на одно творение, когда-либо виденное Симоне, и в то же время она была будто родной сестрой всех тех статуй, которые принесли настоящую славу Фабиано и на которых стояло его имя.

– Теперь я знаю правду! – воскликнул Симоне. – Какой же он негодяй!

Флорио оглянулся и побледнел.

– Молю тебя, молчи, если ты не хочешь сделать меня бесчестным человеком. Я поклялся ему свято соблюдать договор.

– Но ведь ты мне ничего не говорил. Я увидел сам, – возразил Симоне.

– Фабиано этому никогда не поверит, – покачал головой Флорио.

И он так просил своего друга хранить случайно раскрытую тайну, что Симоне согласился.

Спустя неделю Фабиано объявил флорентийцам, что он закончил новую статую и что каждый, кто хочет, может прийти на нее посмотреть. В среду, ровно в двенадцать часов, он снимет с нее покрывало.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

В среду, ровно в двенадцать часов, в мастерской Фабиано собралось много народу. Тут были художники, музыканты, знатные горожане. Сам герцог с придворными пришел посмотреть новую работу ваятеля. Был здесь, конечно, и Симоне. А в стороне от всех стоял безвестный подмастерье Флорио. Многие из присутствующих даже не знали, как его зовут.

Вот Фабиано сдернул холст, закрывавший статую. Толпа, собравшаяся в мастерской, замерла в восхищении. Первым заговорил герцог, ведь он был самым знатным, и ему подобало сказать первое слово.

– Благодарю тебя, мой Фабиано, за доставленную нам радость. Лукавая прелесть этой девушки возвращает нас к далеким дням нашей юности, когда все еще было у нас впереди и все было неведомым и манящим. Твоя статуя полна жизни. Не хватает только, чтобы она заговорила.

– О, ваше величество, я счастлив вашей похвалой, – отвечал, низко кланяясь герцогу, Фабиано. – Лщу себя надеждой, что это заслуженная похвала. Если бы статуя и в самом деле могла заговорить, она рассказала бы, скольких бессонных ночей и дней, полных труда, она стояла своему создателю.

Все разразились рукоплесканиями в ответ на эту короткую речь, полную скромного достоинства. Не рукоплескал один Симоне. Он смотрел на своего друга. Глаза Флорио были полны слез. Тогда Симоне шагнул вперед и обратился к статуе:

От нежного лица струится тихий свет...

Ты – юность, и мечта, и тайна,

Ты тщетно ищешь в зеркале ответ,

Разгадку красоты твоей нежданной.

А мы стоим смущенною толпой,

На мраморное глядя изваянье.

Скажи нам, молчаливая, открой,

Чье ты созданье?

И вдруг статуя заговорила. Она не сделала ни одного движения. Только чуть приоткрыла изогнутые, словно лук стрелка, губы. Статуя сказала:

В тиши ночей медлительный резец

Меня из камня вывел к свету.

Не Фабиано, нет, мне Флорио отец,

Безвестный Флорио, хоть он молчит об этом.

Произнеся эти слова, статуя сомкнула губы. Но тут гневными голосами закричали другие статуи, ее сестры и братья:

Сотрите с нас неслыханный позор!

Нас создал Флорио! А Фабиано – вор!

И снова в мастерской наступила тишина. Все стояли, словно пораженные громом. Потом огляделись по сторонам, ища глазами Фабиано. Но его уже не было в комнате. Бежал ли он от упреков своей нечистой совести, испугался ли заслуженного гнева герцога и презрения сограждан – неизвестно. Только никто никогда его больше не видел.

– Флорио! Эввива Флорио! Да здравствует Флорио! – дружно закричали собравшиеся в мастерской.

А герцог сказал:

– Кто пасет своих овец на чужом пастбище, рано или поздно потеряет всю отару. Все лисы когда-нибудь да встретятся в лавке меховщика. Если черт прикроет рога, его выдаст хвост; если он подберет хвост, его узнают по копытам. Пусть негодяй Фабиано теперь твердит про себя эти поговорки.

Но объясни мне, Симоне, какой силой ты заставил заговорить мрамор? Я думал, что в наш просвещенный век чудес не бывает.

Симоне ответил.

– Но тут и не было чуда! Посмотрите на статуи, ваше величество. Они безмолвны, но и сейчас они кричат о том, кто их изваял. Всякое истинное произведение искусства, будь то картина, скульптура, музыка, говорит голосом своего творца. Я постарался лишь сделать этот язык более внятным.